

DOI 10.15826/qr.2019.4.427

УДК 94(470)"17"+354-055.1(09)+354-055.2(09)+27-186

**ЦАРЬ ДОЛЖЕН УМЕРЕТЬ:
ТАНАТОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС МУЖСКИХ
ПРАВЛЕНИЙ В РОССИИ XVIII в.***

Елена Приказчикова

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

***THE TSAR MUST DIE:
THE THANATOLOGICAL DISCOURSE OF MALE RULE
IN 18th-CENTURY RUSSIA***

Elena Prikazchikova

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article considers the reasons for the degradation of male principles of rule in 18th-century Russia with reference to official documents, memoirs, and literary texts (F. Prokopovich, M. Lomonosov, G. Derzhavin, A. T. Bolotov, Catherine II, Ch. Masson, G. L. Oberkirch, etc.). The author considers the formation of the ideology “the Tsar must die” in conditions of gynocratic rule and “Russian matriarchy”, which reached its climax in the era of Empress Catherine II. The author considers the main mechanisms of women’s reigns, which include the formation of a state mythology of classicism based on grand genres and discrediting their royal opponents by accusing them of insanity, betraying national interests, or childishness unforgivable in the Enlightenment. The article also analyses the causes of the thanatological discourse of male rule, based on the sacrificial complex of the male ruler voluntarily sacrificing himself to the interests of the Fatherland (the case of Peter I) or being sacrificed to such interests by female rulers, guided by the ideology of the Enlightenment and based

* Citation: Prikazchikova, E. (2019). *The Tsar Must Die: The Thanatological Discourse of Male Rule in 18th-Century Russia*. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 4. P. 1107–1124. DOI 10.15826/qr.2019.4.427.

Цитирование: Prikazchikova E. The Tsar Must Die: The Thanatological Discourse of Male Rule in 18th-Century Russia // Quaestio Rossica. Vol. 7. 2019. № 4. P. 1107–1124. DOI 10.15826/qr.2019.4.427 / Приказчикова Е. Царь должен умереть: танатологический дискурс мужских правлений в России XVIII в. // Quaestio Rossica. Т. 7. 2019. № 4. С. 1107–1124. DOI 10.15826/qr.2019.4.427.

on the broad support of their subjects (Ivan Antonovich, Peter III). In the case of Emperor Paul I, the author studies why he was an implacable opponent of gynocratic rule as such, realising in his behaviour the literary mythologemes of the Russian Don Quixote and Hamlet on the throne. The article concludes with an answer to why gynecocracy exhausted its potential at the turn of the 19th century.

Keywords: 18th-century Russia; gynecocracy; thanatological discourse; Emperor Ivan Antonovich; Peter III; Paul I; Catherine II.

Рассматриваются основные причины деградации мужского начала государственных правлений в России XVIII в. на материале официальных документов, мемуарных и художественных текстов (Ф. Прокопович, М. Ломоносов, Г. Державин, А. Т. Болотов, Екатерина II, Ш. Массон, Г. Л. Оберкирх и др.). Автор приводит комплекс причин, сформулировавших идеологему «Царь должен умереть» в условиях гинекратического правления и фактической ситуации «российского матриархата», кульминация которого была достигнута в эпоху императрицы Екатерины II. Исследуются основные механизмы женских правлений, включающих в себя формирование государственной мифологии классицизма с опорой на высокие жанры, дискредитацию своих царственных оппонентов за счет обвинения их в безумии, измене национальным интересам государства или непростительном для эпохи Просвещения ребячестве. Подвергаются анализу основания танатологического дискурса мужских правлений, исходя из жертвенного комплекса мужчины-правителя, или добровольно приносящего себя в жертву интересам Отечества (случай Петра I), или же приносимого в жертву этим интересам женщинами-правительницами, руководствовавшимися при этом идеологией Просвещения и опиравшимися на широкую поддержку подданных (Иоанн Антонович, Петр III). Изучаются причины, сделавшие императора Павла I непримиримым противником гинекратического правления как такового, реализовавшего в своем поведении литературные мифологемы российского Дон Кихота и Гамлета на престоле. Делается вывод о причинах истощенности потенциала гинекократии на рубеже веков.

Ключевые слова: Россия XVIII в.; гинекократия; танатологический дискурс; император Иоанн Антонович; Петр III; Павел I; Екатерина II.

“The King Must Die” («Царь должен умереть») – так назвала свой роман 1958 г. о древнегреческом герое Тесее английская писательница-мифолог М. Рено. В нем на примере истории Древней Греции рассматриваются две концепции жертвоприношения мужчин-правителей, соответствующие аксиологическим установкам патриархата и матриархата. В патриархальной системе царь добровольно идет на смерть в том случае, если его жизнь может выкупить благополучие его на-

рода – эллинов (“sprung from the seed of Ever-Living Zeus”) [Renault, p. 5]. В матриархальной его как мужа-соправителя приносят в жертву великой Богине-матери для достижения земледельческого «золотого века». Концепция царственного жертвоприношения, предложенная М. Рено, оригинально проецируется на историю России XVIII в., когда царь-мужчина в силу внутренних закономерностей развития общества приносился в жертву женскому правлению – гинекократии¹.

Российский писатель В. Аксенов в романе «Вольтерьянцы и вольтерьянки» (2004) заставляет Екатерину II настаивать, что «женский век» наступил в России еще с эпохи царевны Софьи, так как «после Петра в России началась деградация мужского начала» [Аксенов, с. 186]. Эта «деградация» была неразрывно связана с ярко выраженным танатологическим дискурсом, в результате чего все мужские правления в послепетровской России XVIII в. заканчивались трагически.

Несмотря на то, что проблемы, связанные с гинекратическим аспектом XVIII столетия, поднимались во многих зарубежных и российских работах, ни в одной из них не ставился вопрос о роли маскулинного начала в русской политической, культурной и литературной жизни XVIII столетия, не давался ответ на вопрос, почему именно женское правление в России этого времени рассматривалось как норма, а мужское – как отклонение [Graham; Madariaga; Marres; Wortman; Абрамзон; Вачева, 2015; Вачева, 2017; Проскурина].

Предпосылка для создания подобной ситуации возникла в Петровскую эпоху, когда императору отводилась роль демиурга, создающего новый «золотой век» путем грандиозных преобразований. Не случайно Ф. Прокопович в «Слове на погребение Петра Великого» (1725) писал: «...воскресивший аки от мертвых Россию и воздвигший в толикую силу и славу» [Прокопович, с. 126]. В 1743 г. М. Ломоносов в оде «На день тезоименитства... великого князя Петра Федоровича» напишет слова, определившие основной пафос государственного мифа: «Он бог, он бог твой был, Россия» [Ломоносов, с. 96].

Личность Петра I как идеал маскулинного правителя прекрасно вписывается в контекст первой парадигмы жертвоприношения, по М. Рено, с поправкой на христианскую составляющую его образа. Одной из самых известных библейских цитат, связанных с культом христолобивого воинства, является фраза из Евангелия от Иоанна: «Нет больше той любви, аще кто положит душу свою за други своя» (Ин. 15 : 13). Перифраз этой цитаты с учетом классицистической эстетики можно найти в хрестоматийном «Приказе» Петра I перед Полтавской битвой 27 июня 1709 г.:

¹ Термин «гинекократия» впервые употребил в 1802 г. Ш. Массон, воспитатель великих князей Александра и Константина, в «Секретных мемуарах о России, и особенно о последних годах царствования Екатерины II и начала царствования Павла I». Под этим термином он имел в виду особую власть и силу, которыми обладала знатная русская женщина во второй половине XVIII в. [Массон].

А о Петре ведайте, что ему жизнь его не дорога, только бы жила Россия в блаженстве и в славе, для благосостояния вашего [Письма и бумаги, с. 226].

Пафос речи связан не только с формированием новой классицистической идеологии, но и с идеей жертвенности. Для сравнения: любимая Ф. Прокоповичем мысль о готовности царя отдать свою жизнь за отечество применительно к Петру и о неготовности Бога принять эту жертву находит свое отражение в его речи «Слово похвальное о баталии Полтавской» (1717) в эпизоде, где шведская пуля пробивает шляпу царя:

Далече ли смерть была от боговенчанная главы? Не явственню ли сим показа Бог, яко Сам Он с царем нашим воюет? Повеле приступить смерти к нему, но запрети коснуться его [Прокопович, с. 56].

Во время трех мужских правлений, закончившихся насильственной смертью правителей – Иоанна Антоновича, Петра II и Павла I, на первый план вышла традиция гинекратического жертвоприношения.

Русская железная маска

Император Иоанн VI (Иоанн Антонович) стал российским императором в возрасте трех месяцев, и его царствование продолжалось ровно год, после чего жизнь «младого орла», как называл его в одах М. Ломоносов, превратилась в «несчастнейшую из человеческих жизней» [Анисимов, с. 273]. Современные авторы, например, Э. Радзинский, называют его русской железной маской по аналогии с таинственным французским узником эпохи короля Людовика XIV, носившим маску из черного бархата. Вольтер придаст этой истории драматизм, предположив в 1771 г., что не под бархатной, а под железной маской скрывался незаконный старший брат Людовика XIV. Его тайное заключение в тюрьму было продиктовано вопросом государственной безопасности [Voltaire]. Не забудет Вольтер и про Иоанна Антоновича. Он появится в его повести «Кандид, или Оптимизм» (1759), написанной, когда русский таинственный узник еще был жив, на венецианском карнавале, на который якобы его отпустят тюремщики.

На судьбе Иоанна VI был отработан государственный механизм гинекратического правления, предполагающий вытеснение законного правителя не только с трона, но и из истории, а потом из жизни. Иоанн пришел к власти абсолютно законным путем согласно воле императрицы Анны Иоанновны, которую она выразила в манифестах 1731 и 1740 г. Однако после дворцовой революции 1741 г., приведшей к власти Елизавету Петровну, последняя сделала все возможное не только для дискредитации «правления» младенца-императора,

но и для уничтожения памяти о нем. Данное обстоятельство представляло собой беспрецедентный случай в истории России². Поэтому в Высочайшем манифесте от 28 ноября настойчиво проводится мысль о том, что по testamentу (завещанию) Екатерины I именно Елизавета после смерти Петра II была законной наследницей всероссийского престола. Лишилась она его «недоброжелательными къ Намъ и коварными происками бывшего тогда при Его Императорскомъ Величествъ, Оберъ-Гофъ-Мейстеромъ Графа Андрея Остермана», скрывшего духовную императрицы [Высочайший манифест, 1741, с. 1–2]. В результате этого Иоанн Антонович объявлялся самозванцем, «никакой уже ко Всероссийскому Престолу принадлежащей претензии, линии и права неимѣющаго» [Там же, с. 2]. Это было неправдой, так как по петровскому указу о престолонаследии от 5 февраля 1722 г. император имел право назначать своим преемником любого человека.

Понимали ли Елизавета и ее сторонники юридическую шаткость своей позиции? Безусловно, поэтому в первом (от 25 ноября) и во втором (от 28 ноября) Высочайших манифестах упор делается в том числе на ее «кровь», то есть происхождение от Великого Петра. Этот тезис получит всемерное развитие в поэтике высоких жанров русского классицизма. Их риторическая составляющая должна была компенсировать тот факт, что петровский указ о престолонаследии, по сути дела, узаконил ситуацию, когда лишение власти (и даже жизни!) правителя перестало однозначно рассматриваться как покушение на святость, как это было в эпоху Средневековья. Если следовать этому указу буквально, на престоле мог оказаться человек не царской крови. В подобных условиях можно было ожидать всплеска самозванничества и откровений в духе высказывания Пармена, героя трагедии А. Сумарокова: «Пускай Отрепьев он, но и среди обмана, / Коль он достойный царь, достоин царска сана» [Сумароков, с. 445].

Используя антитезу, можно было поднять правящего монарха на недостижимую высоту, увидев в нем символ солнечного света, разума и просвещения, противопоставленного тьме невежества. Этот прием – один из любимых у М. Ломоносова. Обращаясь к нему, он создаст наиболее репрезентативный для своего времени образ «дщери Петровой», символизирующей гинеκραтический идеал российского правления, включая элементы андрогинности. Согласно последнему принципу, по мнению российского философа И. Ильина, русская

² С 1744 г. у бывшего императора отняли его настоящее имя, приказав называть его Григорием, имя в виду Григория Отрепьева, тем самым Иоанн Антонович автоматически причислялся к разряду самозванцев. Еще раньше, 31 декабря 1741 г., приказано было изъять из официального оборота все монеты, отчеканенные в его правление, на которых красовался профиль императора-младенца. С этого момента любой сохранившийся «ивановский рубль» рассматривался как государственное преступление, за которое человек мог оказаться в Тайной канцелярии и на дыбе. Подробно о мерах, предпринимавшихся императрицей Елизаветой Петровной, чтобы стереть память о годичном царствовании императора Иоанна Антоновича, см.: [Корф, с. 64–66].

женщина женственна по-особому. Она «умеет подать и реализовать ставший мужественным характер в форме вечно женственного» [Ильин, с. 190].

В оде Ломоносова 1742 г. «На прибытие... императрицы Елизаветы Петровны из Москвы в Санкт-Петербург по коронации» риторика государственного мифа в его гинекратическом изводе служит нравственно-эстетическим оправданием человека, официально совершившего преступление – лишение власти *законного* русского императора, правнука царя Иоанна V. В этой оде Елизавета предстает как «...слава жен во свете славных, России радость, страх врагов, / Краса Владетельниц державных» [Ломоносов, с. 79]. Поэт создает андрогинный идеал правителя, заявляя: «В ней зрятя истинны доброты, / Геройство, красота, щедроты» [Там же, с. 84]. В контексте оды «геройство» Елизаветы, вышедшей, подобно деве Палладе, из головы своего отца, родство с которым подчеркивается практически в каждой строфе, заменяет собой законодательные и юридические основания правления. Благодаря таланту поэта, сумевшего заставить современников вначале увидеть в Елизавете богиню, а затем, как в «Разговоре с Анакреонтом», воплощение самой России, вопрос о совершенном в начале ее царствования преступлении отходил на второй план, если не исчезал совсем.

Императрица Екатерина II, придя к власти, пошла другим путем. После смерти Иоанна Антоновича во время заговора В. Мировича в манифесте от 17 августа 1764 г. она продолжила его дискредитацию уже в культурной парадигме эпохи Просвещения, добавив к мысли о незаконности правления «к несчастью рожденного» мысль о его безумии. Для эпохи Просвещения это был приговор. Французский философ и историк М. Фуко показал, что в эпоху Просвещения безумец фактически перестает восприниматься как человек, но воспринимается исключительно как животное, даже монстр, недостойный сочувствия [Фуко]. Манифест характеризовал Иоанна Антоновича как существо, для которого характерно «лишение разума и смысла человеческого... ибо он не знал ни людей, ни рассудка, не имел доброе отличить от худого, так как и не мог притом чтением книг жизнь свою пробавлять» [цит. по: Корф, с. 206]. В последнем случае мы сталкиваемся с элементами библиофилического мифа, приписывающего книге важнейшее, порой исключительное влияние на воспитание личности³. Безумие Иоанна VI будет настойчиво подчеркиваться и графом Н. Паниным, начиная с письма коменданту Шлиссельбургской крепости полковнику И. Бередникову, где дается распоряжение предать земле «мертвое тело *безумного* арестанта» [Там же, с. 253].

³ На самом деле Иоанн Антонович знал грамоту. В рапорте коменданта Шлиссельбурга капитана Овцына от 27 мая 1760 г. речь идет об отнятии у арестанта всяких материалов для письма, включая известь со стен, и звучит жалоба на то, что «извести обломки, кажется, он и ноне берет» [цит. по: Корф, с. 192].

Придя к власти, императрица Екатерина II нисколько не облегчила режим содержания царственного узника в Шлиссельбургской крепости, ликвидировав те немногие «вольности», которые ему были позволены в недолгое царствование Петра III. Она «запретила выводить его из каземата, говорить с окружающими, читать, писать и вообще заниматься чем бы то ни было, что только служит к развитию умственных способностей» [Император Иоанн Антонович, с. 293]⁴.

В подобных условиях трудно было остаться психически здоровым человеком, хотя вера академика М. А. Корфа в реальное безумие свергнутого императора кажется преувеличенной. Внимательное чтение донесений тюремщиков императора показывает, что приступы безумия он часто разыгрывал с совершенно определенной целью – позлить своих мучителей и добиться послабления режима. В случае ответных репрессий (лишения чая, теплых носков) приступы быстро прекращались. Начальник шлиссельбургского караула капитан Преображенского полка Овцын в своих рапортах на имя графа А. И. Шувалова сознательно сгущал краски, рисуя приступы безумия арестанта, цель которых была добиться отстранения от ненавистной ему должности главного тюремщика экс-императора. Но и в его рапортах, подававшихся часто против воли доносившего, можно найти оговорки, свидетельствующие о хорошей памяти и изрядном разуме узника, который о «прочем обо все говорит порядочно» [цит. по: Корф, с. 185]. Например, во время возникшего между Овцыным и Иоанном Антоновичем спора о еретиках бывший император свою позицию «доказывает Евангелием, апостолом, минеею, прологом, маргаритом и прочими книгами, рассказывает, в котором месте и в житии святого (об этом. – Е. П.) пишется» [Там же]. Уже одно это официальное свидетельство опровергает строку манифеста о принце, для которого характерно «лишение разума и смысла человеческого».

Однако настойчиво декларируемое безумие Иоанна Антоновича (а следовательно, его фактически *нечеловеческая* природа) снимали главный вопрос о нем как о невинном страдальце, жертве жестокой политической игры. Ведь *Царь должен умереть!* Тем более, царь, находящийся в состоянии безумия. Но даже судьи, выносившие приговор В. Мировичу, не могли быстро принять эту новую философию. Е. В. Анисимов со ссылкой на того же М. Корфа отмечает, что во время суда над В. Мировичем «среди судей разгорелся спор: как могли офицеры охраны поднять руку на царственного узника, пролить царскую кровь» [Анисимов, с. 302].

⁴ Единственный момент, который тут преувеличен, это запрет на разговоры. Иоанн Антонович разговаривал со своими тюремщиками, ставшими впоследствии его убийцами, Власевым и Чекиным, которые должны были по инструкции ночью находиться в камере узника [Император Иоанн Антонович, с. 293].

Imperator ludens

К началу царствования императрицы Екатерины II гинекратическая традиция государственного правления вполне сформировалась. О восприятии этой традиции как единственно возможной откровенно рассказал российский просветитель и помолог А. Т. Болотов, противопоставивший царство Петра III царству Елизаветы Петровны: «Родившись и проводив все дни под кротким правлением женским, все мы к оному так привыкли, что правление мужское было для нас очень дико и ново» [Болотов, с. 128]. О «дикости» мужского правления Болотов, бывший в царствование Петра III адъютантом Н. А. Корфа, генерала-полицмейстера Петербурга, и неоднократно видевший императора и его ближайшее окружение, поведал достаточно подробно. Петр III у Болотова – государь, который любил «продукты Бахусовы», «любил посидеть за столом и повеселиться» [Там же]. Будучи мужчиной-правителем, он не довольствовался нюханием табака как женской забавой, обожал курение трубок, в чем окружающие старались ему подражать, а он, «ходячи по комнате, только что шутил, хвалил и хохотал» [Там же, с. 205]. Наконец, опять же как у мужчины-правителя, у него был очень громкий голос, по определению Болотова, «скаросьй, неприятный» [Там же, с. 198].

Между тем, на ассамблеях столь любимого им Петра I вино лилось рекой, и трубки все курили, и общество собиралось порой еще менее изысканное, чем за ужином у Петра Федоровича. Снимая это противоречие, мемуарист представляет Петра в образе *imperator ludens*, для которого именно игры всякого рода, начиная с игры на скрипке как именно процесса, а не искусства, до любимой карточной игры кампий, составляли единственный смысл жизни⁵. Кульминацией этой онтологической игры как затянувшегося ребячества, в которое монарх вовлекает своих подданных, стала сцена, о которой Болотов не мог писать без раздражения даже спустя несколько десятков лет, апеллируя к разуму «любезных читателей»: «А по сему судите, какво же нам было тогда смотреть на зрелище сие из окон...» [Там же, с. 205]. Во время этой сцены мемуарист видит «первейших в государстве людей, украшенных орденами и звездами», которые по воле монарха играют, «как играют *маленькие ребятки*», буквально прыгая на одной ножке [Там же].

Мемуарная память Болотова в полной мере соответствует пафосу третьего варианта записок Екатерины II, адресованных наследнику престола Павлу и потомкам, где играм Петра Федоровича отводится большое место. Все начинается с ночной игры в солдатики, в которую он вовлекал свою супругу, в результате чего «вся кровать была покрыта и полна куклами и игрушками, иногда очень тяжелыми»

⁵ Как напишет А. Городницкий в 1987 г. накануне краха Советского Союза в своей песне «Петр III»: «Император играет на скрипке, государство уходит из рук».

[Екатерина II, с. 254]. Кончается же этот игровой дискурс театрализованными играми и проектами вроде постройки в Ораниенбауме дачи в виде капуцинского монастыря. Во многом именно благодаря «играм» Петра III российский историк И. Н. Ионов пришел к выводу, что в XVIII в. «только женщины-императрицы... производят впечатление взрослых людей, под ногами которых, прячась за широкие юбки, бегают вечные мальчишки-императоры» [Ионов, с. 77].

Говоря об игре как универсальном феномене человеческой цивилизации, И. Хейзинга особенно отмечает «игровое качество культуры XVIII века», включающее в себя моду, политику, искусство, литературу и музыку [Хейзинга, с. 210]. Опасность остаться в глазах окружающих «человеком играющим» на сколько-нибудь долгий срок и прослыть недорослем приводила к раннему взрослению. Данную установку хорошо демонстрирует во втором варианте своих записок, начатых в 1771 г., Екатерина II, подчеркивая, что у нее уже в семилетнем возрасте отобрали все игрушки, сказав, что она уже «большая девочка, которой не пристало более их иметь» [Екатерина II, с. 6].

Но быть просто *imperator ludens* было явно недостаточно, чтобы его правление воспринималось как абсолютное зло. В Высочайшем манифесте от 28 июня 1762 г. против Петра III выдвигаются два основных обвинения. Первое было связано с опасностью принятия «иноверного закона» для греческой церкви и православия. Второе касалось попрания «славы Российской» «заключением нового мира» [Высочайший манифест, 1762, с. 3]. В «Обстоятельном Высочайшем манифесте» от 6 июля 1762 г. это дополняется резкой критикой императора за «малость духа к правлению столь великой Империи» [Обстоятельный Высочайший манифест, 1762, с. 15], за самовластие, пренебрежение к государственным законам и опасность «погубления нам и сыну нашему» [Там же, с. 17].

Все эти обвинения против Петра III впоследствии найдут свое отражение в записках императрицы Екатерины II, особенно в их третьем (герценовском) варианте. В нем Екатерина припоминает Петру III и его жестокость, и его насмешки над обрядами православной церкви, и его нервный, деспотический характер. Так, настроенный своим любимцем Брокдорфом, он бросается на Екатерину со шпагой в руке, желая «ее образумить» [Екатерина II, 2003]. Но все же главным обвинением против Петра Федоровича, и не только в записках Екатерины, станет его обвинение в пруссофильстве, его горячая приверженность к королю Фридриху II. Эти обвинения, совсем не беспочвенные, помогли актуализировать по отношению к Петру III классическую культурную мифологию Чужого, в данном случае «пруссак», где «прусская» составляющая нового императора была явлена в словах: «Голштиния возвеселися, / Что от тебя цветет наш крин» [Ломоносов, с. 202]. При внимательном чтении второго варианта записок Екатерины II, начатого в 1771 г., обнаруживается, что и сама императрица в первое десятилетие своего пребывания в России в полной мере разделяла «прус-

ские» пристрастия своего супруга [Екатерина II, 1989]. Но ко времени своей коронации она уже предпочитала не вспоминать об этом.

Неприятие пруссофильства Петра III проявляется в мемуарах Болотова. Более того, на примере этих записок можно увидеть реализацию нового культурного процесса, связанного с мемуарной памятью автора. «Чужое» слово манифестов 1762 г. под пером автора записок становится «своим», дополняясь собственными впечатлениями и подробностями при сохранении общего пафоса официального документа. Это касается проявляемого государем презрения ко всем русским и предпочтения им голштинцев. Такое поведение императора стимулирует рост общественного мнения в соответствии со знаменитым латинским высказыванием *Vox populi vox Dei*, умножает «ропот на государя и негодование ко всем деяниям и поступкам его» не только у знати, но и у простого народа [Болотов, с. 211]. Как следствие, все «отважились публично и без всякого опасения говорить, и судить, и рядить все дела и поступки государевы» [Там же].

Но будучи офицером, давшим присягу на верность императору, Болотов нигде не договаривается до фразы, появившейся в «Обстоятельном Высочайшем манифесте» и, по сути дела, оправдывающей смерть Петра III: «ни единого въ народѣ уже не оставалось... кто бы не готовъ былъ на пролитіе крови его» [Обстоятельный Высочайший манифест, 1762, с. 18]. К моменту выхода этого манифеста Петр III был уже мертв. О. Иванов достаточно убедительно доказывает, что смерть императора всецело лежит на совести «панинской партии», и одним из активнейших участников царевубийства мог быть, помимо А. Орлова и князя Ф. Барятинского, Г. Н. Теплов, вероятный автор «Обстоятельного Высочайшего манифеста» [Иванов]. Воспитанник Ф. Прокоповича, Г. Н. Теплов не мог не помнить знаменитые слова своего учителя: «Да и весьма опасно лишенного короны государя в живых оставлять» [цит. по: Со шпагой и факелом, с. 298]. *Царь должен был умереть*. Не случайно Екатерина II в третьем варианте своих записок заставляет своего супруга признаться, что он «чувствует, что не рожден для России; что ни он не подходит вовсе для русских, ни русские для него, и что он убежден, что погибнет в России» [Екатерина II, с. 443]. Так или иначе, он был принесен в жертву самому блестящему в истории русского XVIII в. женскому правлению. Однако его смерть открывала широкую дорогу самозванничеству, так как если убить плохого царя, чтобы заменить его хорошим, всегда появится искушение заменить хорошего царя еще лучшим.

Гамлет и Дон Кихот российского трона

Павел I, законодательно запретивший русскую гинекократию своим указом о престолонаследии 1797 г., был единственным русским монархом XVIII в., которого целенаправленно готовили к престолу. При этом была реализована утопическая задача воспитания идеаль-

ного правителя, проект, в книге Ричарда Уортмана получивший название «Минерва и Телемак: воспитание принца» [Wortman]. Об этом позаботится воспитатель наследника престола граф Н. Панин, в царствование Елизаветы подготовивший «Понятие и мнение о воспитании... Павла Петровича», поставивший перед собой цель привить наследнику престола идею долга и гражданские добродетели, основывающиеся на «примерах великих дел его освещенных предков» [Панин, с. 316]. Учителями наследника престола стали профессор Страсбургского университета, известный писатель А. Л. Николаи, французский писатель Ф. Лафермьер; Божественные науки Павел изучал с архимандритом Платоном, впоследствии ставшим Московским митрополитом.

Европейские философы и просветители, видевшие Павла в юности, восхищались его способностями и характером. Философ Д. Дидро, посетивший Россию в 1773 г., писал о наследнике престола: «...все те, кто имел честь бывать с ним, восхищаются его проницательностью, разносторонними способностями, мягкостью его сердца и его умом» [Дидро, с. 107]. Русские масоны видели в нем «Великого Павла», посвящая ему свои произведения. М. Херасков посвятил Павлу свою любимую масонскую нравственно-этическую поэму «Владимир Возрожденный» (1785), в которой главный герой является образцовым монархом, прошедшим путь от «тьмы» незнания к «свету» истинного Просвещения.

Тем не менее, русский педагогический эксперимент по воспитанию идеального правителя эпохи Просвещения провалился. Павлу было суждено оставить очень противоречивую память у современников и потомков. Г. Р. Державин, приветствуя воцарение Александра I, будет отождествлять умершего императора с северным ветром нордом. А. С. Пушкин в оде «Вольность» сравнит его с римским императором Калигулой, К. Рылеев в агитационных песнях назовет «курносый злодеем». Даже отождествление Павла с известными литературными героями Гамлетом и Дон Кихотом не проясняет, а, наоборот, запутывает ситуацию еще больше, так как в российском сознании данные герои являются антагонистами⁶.

Основная причина противоречивого характера наследника, на наш взгляд, была связана с противоречивым характером русского Просвещения. По мнению американского историка Д. Х. Биллингтона, оно представляло собой драматическую иллюстрацию конфликта между просвещением в теории и деспотизмом на практике, что позволило исследователю охарактеризовать его как «смятенное Просвещение» [Биллингтон], когда сосуществовали, с одной стороны, «Наказ», Комиссия для составления проекта нового уложения, педагогическая утопия Смольного, расцвет журналистики, блестящие военные победы и усиление престижа России в Европе, с другой же –

⁶ Ср. «Гамлет и Дон Кихот» И. С. Тургенева.

усиление крепостного права, крестьянские войны, издержки фаворитизма, самозванничество. В России эпохи Екатерины II эти противоречия частично нейтрализовались механизмом женского правления и личным обаянием императрицы. Прекрасной иллюстрацией может служить эпизод из «Записок» Г. Р. Державина, в котором тот, исполняя роль статс-секретаря императрицы, показывал, как императрица «особливо умела выигрывать сердца и ими управлять, как хотела» [Державин, с. 345]. Мемуарист вспоминает, как после очередной «ссоры», вызванной нежеланием Екатерины II соответствовать в глазах Державина идеальному образу Фелицы,

...он надуетса, даст себе слово быть осторожным и ничего с ней не говорить; но на другой день, когда он войдет, то она тотчас приметит, что он сердит: зачнет спрашивать о жене, о домашнем его быту, не хочет ли он пить, и тому подобное ласковое и милостивое, так что он позабудет всю свою досаду и сделается по-прежнему чистосердечным. В один раз случилось, что он, не вытерпев, вскочил со стула и в исступлении сказал: «Боже мой! Кто может устоять против этой женщины? Государыня, Вы не человек. Я сегодня наложил на себя клятву, чтоб после вчерашнего ничего с Вами не говорить; но Вы против моей воли делаете из меня, что хотите». Она засмеялась и сказала: «Неужто это правда?» [Там же].

Еще до личного знакомства с императрицей Державину удалось понять логику нового правления, создав ономомиф Фелицы, в котором на смену блестящему визуальному ряду, рисующему образ Минервы-Елизаветы, пришел внешне неброский, с пешими прогулками и простой пищей «путь добродетели прямой».

Стоит ли удивляться, каким диссонансом в контексте сложившейся гинекратической традиции должно было казаться правление Павла I с его ярко выраженным маскулинным началом и нарочитой грубостью. Тот же Державин свидетельствует:

Тотчас во дворце (после смерти Екатерины II – Е. П.) прияло все другой вид, загремели шпоры, ботфорты, тесаки, и, будто по завоевании города, ворвались в покои везде военные люди с великим шумом [Там же, с. 389].

Точно такое же впечатление от воцарения Павла осталось и у Ш. Массона, с грустью констатировавшего: «...атмосфера свободы, непринужденности и учтивости, которая царила здесь, уступила место невыносимому гнету» [Массон, с. 41].

Желая править не так, как это делала Екатерина II, то есть без ее лицемерия, чтобы свести теорию и практику, утопию и реальность, Павел I, сам того не желая, уподоблял себя Дон Кихоту, сражавшемуся с ветряными мельницами. Желая подтянуть дисциплину, он являл

себя классическим тираном, отправлявшим в Сибирь целые полки. Желая достигнуть естественного равенства всех сословий, он мог предложить только равенство в бесправии, когда восстановил телесные наказания для дворян. Борясь с Французской революцией, он запрещал иностранные книги, предметы гардероба и танцы, что сразу же становилось предметом насмешек и материалом для анекдотов. Кстати, в жанре анекдота, переживавшего во второй половине XVIII – первой половине XIX в. в Европе и России настоящий «золотой век» и переместившегося с периферии литературного процесса практически в его центр, императору Павлу в большей степени отводится роль чудака. В анекдотах распоряжения и приказы императора зависят исключительно от его сиюминутного настроения, не имея под собой никакой логики (см. анекдоты о виселице для чижа, о пресловутом поручике Кижее, о пьяном офицере, который едва не стал полковником, о братьях-подполковниках Ермолиных I и II, о косе императора, которая лежит не по шву, о старушке, которой запретили обедать в 12 часов, когда император гулял по городу [Павел I]). Все «павловские» анекдоты объединяет момент непредсказуемости: общаясь с императором и приняв нужный тон, можно выиграть, но это совсем не значит, что завтра ты не проиграешь и не будешь наказан несоразмерно больше своего мнимого проступка.

То, что Павел не оправдал надежд образованного русского общества, связано, безусловно, и с личной виной императрицы как просвещенной правительницы. В результате, по словам В. А. Сахарова, «сын великой Екатерины, умный, просвещенный и добрый человек, загнанный бесчеловечной русской историей в тупик политического безумия и истерической тирании, самый одинокий, несчастный и непонятый деятель XVIII века» [Сахаров, с. 160].

«Гамлетовское» начало в образе Павла заключалось не только в почитании своего убитого отца Петра III, но и в ощущении общего трагизма своей судьбы, мистической направленности души, что стало проявляться еще в детстве. Самым же известным мистическим эпизодом из жизни Павла является история встречи наследника в Петербурге с призраком своего прадеда Петра I, о которой он рассказал баронессе Г. Л. Оберкирх 10 июля 1782 г. Призрак, завернутый в испанский плащ, с надвинутой на лицо шляпою, обратился к Павлу со словами: «Павел! Бедный Павел! Бедный князь!», предсказал ему скорую смерть и завещал: «Живи по законам справедливости, и конец твой будет спокоен. Бойся укора совести; для благородной души нет более чувствительного наказания» [Оберкирх, с. 522].

Данная история, помимо ее естественной мистической составляющей, заставившей Павла «бояться мысли, что могу бояться», и топонимического предания о месте возведения Медного всадника, интересна еще одним аспектом. В ней Павел намеренно подчеркивает непосредственную духовную связь со своим прадедом Петром I, на которую, конечно, не может претендовать его мать Екатерина II,

ведь в ее жилах не текло ни одной капли русской крови. Так замыкалась цепь мужчин-правителей XVIII в. Несмотря на это, Екатерина прямо заявила о своей исключительной духовной связи с великим преобразователем России, выбив на постаменте Медного всадника знаменитую дарственную надпись: «Петру Первому – Екатерина Вторая». При такой логике Павлу просто не было места в гинекратической системе правления. Ему оставалось только одно: добровольно принести себя в жертву на благо государства, принимая в обмен на жизнь по законам справедливости скорую спокойную смерть. *Царь должен был умереть!*⁷

Российский историк И. Н. Ионов, отстаивая правомерность феномена «бабьего царства», был уверен, что для XVIII в. присутствие женщин на престоле было единственно возможной гендерной альтернативой, так как «правление мужчин в XVIII веке... все время вызывало угрозу нового Смутного времени» [Ионов, с. 77]. Такая точка зрения подводит черту под мужским правлением эпохи русского Просвещения, выставляя его абсолютно бесперспективным. В контексте же гинекратического культурного мифа формируется представление об особом, сакральном месте женщины в русском космосе. Так, английский писатель С. Грэхэм в своей книге 1912 г. «Неоткрытая Россия», размышляя о русских женщинах, писал: «...ими Россия сильна. Из-за них солнце светит радостно, а птицы поют. Из-за их святости мужчинам позволено быть далекими от святости» [Graham, p. 326–327].

Механизм гинекратического правления обеспечивал его легитимизацию разными способами: через создание литературного государственного мифа с Минервой и Фелицей, путем явной и тайной дискредитации соперников на троне через объявление их безумцами, монархами «играющими» или изменниками Отечества. Последних надо было принести в жертву для достижения нового «золотого века» и ликвидации угрозы если не буквально «смутного времени», то застоя на прямом пути Просвещения, завещанного Петром I. И хотя XVIII в. как век Просвещения всемерно гордился своим скептицизмом по отношению не только к мифологии, но и к религии, однако в данном случае в духе классических концепций жертвоприношения смерть правителя-мужчины рассматривалась как средство достижения социальной гармонии, будь это мифологема «золотого века» или просветительская утопия построения идеального государства.

Мужские правления, не обладая веселым культурным гедонизмом правления императриц, в большей степени демонстрировали «альтернативный» классическому Просвещению путь. Они противопоставили легкости петербургских «дворцовых революций» кровавое

⁷ Идея принесения себя в жертву, желание осчастливить страну любыми способами четко проявляются в фильме В. Мельникова 2003 г. «Бедный, бедный Павел», где роль императора исполняет Виктор Сухоруков.

самозванничество Е. Пугачева, новоявленного Петра III, павловский мистицизм масонства и тайн Мальтийского ордена, наконец, утопические легенды о «добром царе» Иоанне Антоновиче – безымянном кексгольмском узнике [Император Иоанн Антонович, с. 506–512].

Потребность в маскулинном правлении стала знаменем наступающей эпохи Наполеона Бонапарта, эпохи массовых всеевропейских войн и революций. Хотя император Александр I, придя к власти, обещал править по заветам своей венценосной бабки Екатерины II, возрождения гинекократии в XIX столетии не произошло, как не случилось правления Екатерины III, сестры императора Екатерины Павловны, которая, возможно, было бы лучшей альтернативой российскому трону, чем ее братья Константин и Николай. Э. Радзинский в своей последней книге «Бабье царство. Русский парадокс» выражает вполне гинекратическую идею: «Женщины-императрицы оставили в наследство императорам-мужчинам необъятную империю с необъятными проблемами. <...> Но пришедшие императоры-мужчины всех этих проблем решить не смогли. Что они смогли? Привели Россию к революции» [Радзинский, с. 644–645]. История русского XVIII в. наглядно продемонстрировала как опасности, сопряженные с правлением императоров-мужчин, так и недостатки женских правлений, воспринимавшихся в качестве единственно возможных.

Список литературы

- Абрамзон Т. Е.* Поэтические мифологии XVIII века: Ломоносов, Сумароков, Херасков, Державин. Магнитогорск : МаГУ, 2006. 480 с.
- Аксенов В.* Вольтерьянцы и вольтерьянки. М. : Изографус, 2005. 555 с.
- Анисимов Е. В.* Иван IV Антонович. М. : Молодая гвардия, 2008. 350 с.
- Биллингтон Д. Х.* Икона и топор: опыт истолкования истории русской культуры. М. : Рудомино, 2001. 880 с.
- Болотов А. Т.* Жизнь и приключения А. Болотова, писанные им самим для своих потомков : в 4 т. СПб. : Печатня В. Головина, 1871. Т. 2. 1738–1793. 1120 с.
- Вачева А.* Ее Императорского величества Екатерины II автоцензура // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 2. С. 436–452. DOI 10.15826/qr.2017.2.235.
- Вачева А. И.* Потомству Екатерина II : Идеи и нарративные стратегии в автобиографии императрицы. София : Св. Климент Охридски, 2015. 717 с.
- Высочайший Манифест о вступлении на Престол Государыни Императрицы Елизаветы Петровны, с обстоятельным изъяснением ближайшего и преимущественного права Ее Величества на Императорскую Корону. СПб. : Печатано при Сенате, 1741. 3 с.
- Высочайший Манифест о вступлении на Престол Императрицы Екатерины II. 1762 г., июня 28 // Указы Всепрестольнейшей, Державнейшей, Великой Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны, состоявшиеся с благополучнейшего вступления Ее Императорского Величества на Всероссийский Престол, с 28 июня 1762 по 1763 год : Напечатано по Всевысочайшему Ее Императорского Величества повелению. М. : Печатано при Сенате, 1763. С. 3–4.
- Державин Г. Р.* Записки Гавриила Романовича Державина. 1743–1812. М. : Изд. Рус. беседы, 1860. 502 с.
- Дидро Д.* Философские, исторические и другие записки различного содержания (год 1773-й, с 5 октября по 3 декабря) // Дидро Д. Собр. соч. : в 10 т. Т. 10. М. : ОГИЗ, 1947. С. 41–263.

Екатерина II. Мемуары // Памятник моему самолюбию. М. : ЭКСМО, 2003. С. 171–541.

Екатерина II. Записки, начатые 21 апреля 1771 года и продолженные в 1791 год // Записки императрицы Екатерины Второй. М. : Орбита, 1989. С. 1–194.

Иванов О. А. Петр III : Загадка смерти. М. : Центрполиграф, 2018. 863 с.

Ильин И. А. О вечно-женственном и вечно-мужском в русской душе // Ильин И. А. Собр. соч. : в 10 т. М. : Парог, 1996. Т. 6. Кн. 3. С. 165–195.

Император Иоанн Антонович // Рус. старина. 1879. Т. 25. С. 291–306. Т. 26. С. 493–514.

Ионов И. Н. Женщины и власть в России: история и перспектива // Общественные науки и современность. 2000. № 4. С. 75–87.

Корф М. А. Брауншвейгское семейство. М. : Прометей, 1993. 413 с.

Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. : в 6 ч. СПб. : Императ. Акад. наук, 1803. Ч. 1. 343 с.

Массон Ш. Секретные записки о России, и в частности о конце царствования Екатерины II и правления Павла. М. : Новое лит. обозрение, 1996. 208 с.

Оберкирх Г. Л. Рассказ великого князя Павла Петровича о видении ему Петра I // Рус. архив. 1869. Вып. 3. С. 517–526.

Обстоятельный Высочайший Манифест о возшествии на Всероссийский Престол Императрицы Екатерины II. 1762 г., июля 6 // Указы Всепресветлейшей, Державнейшей, Великой Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны, состоявшееся с благополучнейшего вступления Ее Императорского Величества на Всероссийский Престол, с 28 июня 1762 по 1763 год. М. : Печатано при Сенате, 1763. С. 14–23.

Павел I : Собрание анекдотов, отзывов, характеристик указов и пр. / сост. А. Гено и Томич. М. : Либроком, 2014. 306 с.

Панин Н. И. Всеподданнейшее представление слабого понятия и мнения о воспитании Его Императорского Величества Павла Петровича // Рус. старина. 1880. Т. 36. С. 315–317.

Письма и бумаги Петра Великого. М. ; Л. : Акад. наук СССР, 1950. Т. 9. Вып. 1. 528 с.

Прокопович Ф. Сочинения. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1961. 502 с.

Проскурина В. Мифы империи : Литература и власть в эпоху Екатерины II. М. : Новое лит. обозрение, 2006. 328 с.

Радзинский Э. С. Бабе царство : Русский парадокс. М. : АСТ, 2019. 656 с.

Сахаров В. И. Русское масонство в портретах. М. : АиФ Принт, 2004. 512 с.

Со шпагой и факелом. 1725–1825 : Дворцовые перевороты в России. М. : Современник, 1991. 594 с.

Сумароков А. П. Избранные произведения. Л. : Сов. писатель, 1957. 607 с.

Хейзинга Й. Homo ludens : В тени завтрашнего дня. М. : Прогресс, 1992. 464 с.

Фуко М. История безумия в классическую эпоху. М. : АСТ : АСТ Москва, 2010. 698 с.

Graham S. Undiscovered Russia. L. ; N. Y. : John Lane Company, 1912. 332 p.

Madariaga I. de. Russia in the Age of Catherine the Great. New Haven : Yale Univ. Press, 1981. 698 p.

Marrese M. L. A Woman's Kingdom: Noblewomen and the Control of Property in Russia, 1700–1861. Ithaca ; L. : Cornell Univ. Press, 2002. 296 p.

Renault M. The King Must Die. N. Y. : Open Road Integrated Media, 2013. 354 p.

Voltaire F. M. A. de. Questions sur l'encyclopédie, distribuées en forme de dictionnaire par des amateurs : in 9 vols. 2-de éd. Londres : [S. n.], 1771–1772. Vol. 8. Loix – Russie. 306 p.

Wortman R. S. Scenarios of Power : Myth and Ceremony in Russian Monarchy : in 2 vols. Princeton : Princeton Univ. Press, 1995. Vol. 1. From Peter the Great to the Death of Nicholas I. 469 p.

References

- Abramzon, T. E. (2006). *Poeticheskie mifologii XVIII veka: Lomonosov, Sumarokov, Kheraskov, Derzhavin* [Poetic Mythologies of the 18th Century: Lomonosov, Sumarokov, Kheraskov, Derzhavin]. Magnitogorsk, Magnitogorskii gosudarstvennyi universitet. 480 p.
- Aksenov, V. (2005). *Vol'ter'yantsy i vol'ter'yanki* [Female and Male Followers of Voltaire]. Moscow, Izografus. 555 p.
- Anisimov, E. V. (2008). *Ivan IV Antonovich* [Ivan IV Antonovich]. Moscow, Molodaya gvardiya. 350 p.
- Billington, J. H. (2001). *Ikona i topor: opyt istolkovaniya istorii russkoi kul'tury* [Icon and Ax: The Experience of Interpreting the History of Russian Culture]. Moscow, Rudomino. 880 p.
- Bolotov, A. T. (1871). *Zhizn' i priklyucheniya A. Bolotova, pisanye im samim dlya svoikh potomkov v 4 t.* [The Life and Adventures of A. Bolotov, Written by Him for His Descendants. 4 Vols.]. St Petersburg, Pechatnya V. Golovina. Vol. 2. 1738–1793. 1120 p.
- Catherine II. (1989). *Zapiski, nachaty 21 aprelya 1771 goda i prodolzhenye v 1791 god* [Notes Begun on 21 April 1771 and Continued in 1791]. In *Zapiski imperatritsy Ekateriny Vtoroi*. Moscow, Orbita, pp. 1–194.
- Catherine II. (2003). *Memuary* [Memoirs]. In *Pamyatnik moemu samolyubiyu*. Moscow, EKSMO, pp. 171–541.
- Derzhavin, G. R. (1860). *Zapiski Gavriila Romanovicha Derzhavina 1743–1812* [Notes by Gavriil Romanovich Derzhavin. 1743–1812]. Moscow, published by Russkaya beseda. 502 p.
- Diderot, D. (1947). *Filosofskie, istoricheskie i drugie zapiski razlichnogo soderzhaniya (god 1773-i, s 5 oktyabrya po 3 dekabrya* [Philosophical, Historical, and Other Notes of Various Contents (1773, from 5 October to 3 December)]. In Diderot, D. *Sobranie sochinenii v 10 t.* Moscow, OGIZ. Vol. 10, pp. 41–263.
- Foucault, M. (2010). *Istoriya bezumiya v klassicheskuyu epokhu* [Madness and Civilization: A History of Insanity in the Age of Reason]. Moscow, AST, AST Moskva. 698 p.
- Geno, A., Tomich (Eds.). (2014). *Pavel I. Sobranie anekdotov, otzyvov, kharakteristik ukazov i pr.* [Paul I. A Collection of Anecdotes, Reviews, Characteristics of Decrees, etc.]. Moscow, Librokom. 306 p.
- Graham, S. (1912). *Undiscovered Russia*. L., N. Y., John Lane Company. 332 p.
- Huizinga, J. (1992). *Homo ludens. V teni zavtrashnego dnya* [Homo Ludens. In the Shadow of Tomorrow]. Moscow, Progress. 464 p.
- Il'in, I. A. (1996). *O vечно-zhenstvennom i vечно-muzhskom v russkoi dushe* [About the Eternally Feminine and Eternally Masculine in the Russian Soul]. In Il'in, I. A. *Sobranie sochinenii v 10 t.* Moscow, Rarog. Vol. 6. Book 3, pp. 165–195.
- Imperator Ioann Antonovich [Emperor Ivan Antonovich]. (1879). In *Russkaya starina*. Vol. 25, pp. 291–306. Vol. 26, pp. 493–514.
- Ionov, I. N. (2000). *Zhenshchiny i vlast' v Rossii: istoriya i perspektiva* [Women and Power in Russia: History and Perspective]. In *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. No. 4, pp. 75–87.
- Ivanov, O. A. (2008). *Petr III. Zagadka smerti* [Peter III. The Riddle of Death]. Moscow, Tsentrpoligraf. 863 p.
- Korf, M. A. (1993). *Braunshveigskoe semeistvo* [The Braunschweig Family]. Moscow, Prometei. 413 p.
- Lomonosov, M. V. (1803). *Polnoe sobranie sochinenii v 6 ch.* [Complete Works. 6 Parts]. St Petersburg, Imperatorskaya Akademiya nauk. Part 1. 343 p.
- Madariaga, I. de (1981). *Russia in the Age of Catherine the Great*. New Haven, Yale Univ. Press. 698 p.
- Marrese, M. L. (2002). *A Woman's Kingdom: Noblewomen and the Control of Property in Russia, 1700–1861*. Ithaca, L., Cornell Univ. Press. 296 p.
- Masson, Ch. (1996). *Sekretnye zapiski o Rossii, i v chastnosti o kontse tsarstvovaniya Yekateriny II i pravlenniya Pavla* [Secret Notes on Russia, and in Particular on the End of the Reign of Catherine II and the Reign of Paul]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 208 p.

Oberkirch, G. L. (1869). Rasskaz velikogo knyazya Pavla Petrovicha o videnii emu Petra I [The Story of the Grand Duke Pavel Petrovich about the Apparition of Peter I]. In *Russkii arkhiv*. Iss. 3, pp. 517–526.

Obstoyatel'nyi Vysochaishii Manifest o vozshestvii na Vserossiiskii Prestol Imperatritsy Ekateriny II. 1762 g., iyulya 6 [Comprehensive Highest Manifesto on the Ascension of Empress Catherine II to the All-Russia Throne. 6 July 1762]. (1763). In *Ukazy Vsepresvetleishei, Derzhavneishei, Velikoi Gosudaryni Imperatritsy Ekateriny Alekseevny, sostoyavsheysya s blagopoluchneishego vstupleniya Ee Imperatorskogo Velichestva na Vserossiiskii Prestol, s 28 iyunya 1762 po 1763 god*. Moscow, published by the Senate, pp. 14–23.

Panin, N. I. (1880). Vsepoddanneishee predstavlenie slabogo ponyatiya i mneniya o vospitanii Ego Imperatorskogo Velichestva Pavla Petrovicha [The Most Submissive Representation of a Weak Concept and Opinion on the Education of His Imperial Majesty Pavel Petrovich]. In *Russkaya starina*. Vol. 36, pp. 315–317.

Pis'ma i bumagi Petra Velikogo [Letters and Papers of Peter the Great]. (1950). Vol. 9. Iss. 1. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR. 528 p.

Prokopovich, F. (1961). *Sochineniya* [Works]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 502 p.

Proskurina, V. (2006). *Mify imperii. Literatura i vlast' v epokhu Ekateriny II* [Myths of the Empire. Literature and Power in the Age of Catherine II]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 328 p.

Radzinskii, E. S. (2019). *Bab'e tsarstvo. Russkii paradoks* [Women's Tsardom. Russian Paradox]. Moscow, AST. 656 p.

Renault, M. (2013). *The King Must Die*. NY, Open Road Integrated Media. 354 p.

Sakharov, V. I. (2004). *Russkoe masonstvo v portretakh* [Russian Freemasonry in Portraits]. Moscow, AiF Print. 512 p.

So shpagoi i fakelom. 1725–1825. Dvortsovye perevoroty v Rossii [With a Sword and a Torch. 1725–1825. Palace Coups d'État in Russia]. (1991). Moscow, Sovremennik. 594 p.

Sumarokov, A. P. (1957). *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Leningrad, Sovetskii pisatel'. 607 p.

Vacheva, A. I. (2015). *Potomstvu Ekaterina II. Idei i narrativnye strategii v avtobiografii imperatritsy* [To Future Generations from Catherine II. Ideas and Narrative Strategies in the Autobiography of the Empress]. Sofiya, Sv. Kliment Okhridski. 717 p.

Vacheva, A. (2017). *Yeye Imperatorskogo velichestva Yekateriny II avtotsenzura* [Her Imperial Majesty Catherine II Self-Censorship]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 5. No 2. Pp. 436–452. DOI 10.15826/qr.2017.2.235.

Voltaire, F. M. A. de (1771–1772). *Questions sur l'encyclopédie, distribuées en forme de dictionnaire par des amateurs*: in 9 vols. 2-de éd. Londres, S. n. Vol. 8. Loix – Russie. 306 p.

Vysochaishii Manifest o vstuplenii na Prestol Gosudaryni Imperatritsy Elizavety Petrovny, s obstoyatel'nyim iz'yasneniem blizhaishhego i preimushchestvennogo prava Eya Velichestva na Imperatorskuyu Koronu [The Highest Manifesto on the Accession to the Throne of Empress Elizabeth Petrovna, with a Detailed Explanation of Her Majesty's Immediate and Primary Right to the Imperial Crown]. (1741). St Petersburg, published by the Senate. 3 p.

Vysochaishii Manifest o vstuplenii na Prestol Imperatritsy Ekateriny II. 1762 g., iyunya 28 [The Highest Manifesto on the Accession to the Throne of Empress Catherine II. 28 June 1762]. (1763). In *Ukazy Vsepresvetleishei, Derzhavneishei, Velikoi Gosudaryni Imperatritsy Ekateriny Alekseevny, sostoyavshiesya s blagopoluchneishego vstupleniya Ee Imperatorskogo Velichestva na Vserossiiskii Prestol, s 28 iyunya 1762 po 1763 god. Napechatano po Vsevysochaishemu Ee Imperatorskogo Velichestva povelению*. Moscow, published by the Senate, pp. 3–4.

Wortman, R. S. (1995). *Scenarios of Power. Myth and Ceremony in Russian Monarchy*: in 2 Vols. Princeton, Princeton Univ. Press. Vol. 1. From Peter the Great to the Death of Nicholas I. 469 p.

The article was submitted on 26.07.2019